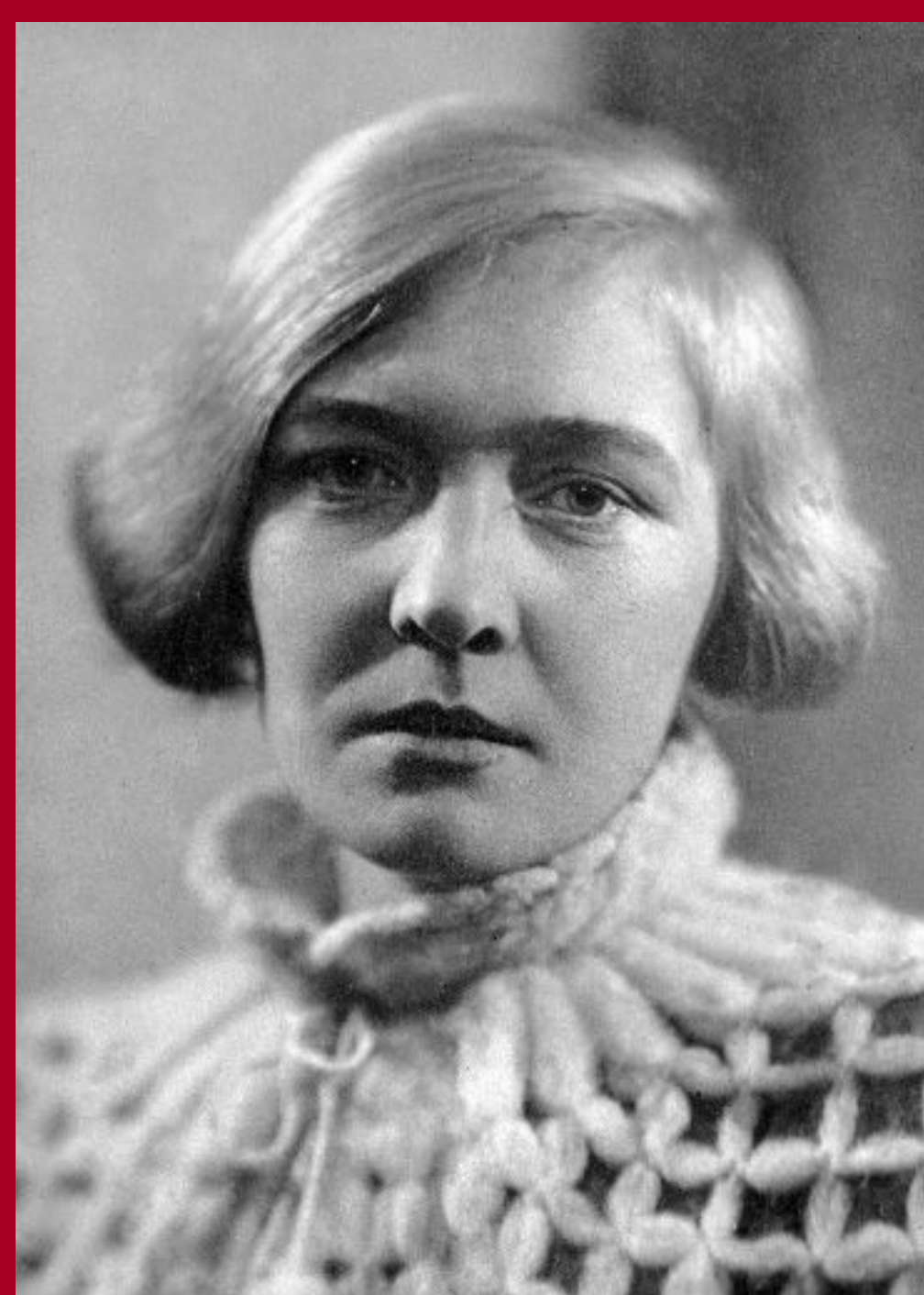

Ольга Федоровна Бергольц

16 мая 1910 года - 13 ноября 1975 года

Именно ее голос слушал по радио блокадный Ленинград, когда в эфире раздавалось: «Внимание! Говорит Ленинград! Слушай нас, родная страна. У микрофона поэтесса Ольга Берггольц». И это многим помогало выстоять. И именно ее строки высечены на гранитной стене Пискаревского мемориального кладбища. Они заканчиваются известными всему миру словами: «Никто не забыт и ничто не забыто».

*Университетское фото за
несколько месяцев до отъезда
в далекий Владикавказ. 1930 г.*

«Наша коммуна. Лето 1930 г. во Владикавказе». Как можно было столько успеть? Ответ, думается, прост. Ольге Берггольц, действительно, не могла удержаться. Ей все было безумно интересно! А когда интересно, невозможно устать.

Поэт Ленинградской блокады

Ленинградское радио

*...Мы помним осень, сорок первый,
прозрачный воздух тех ночей,
когда, как плети, часто, мерно
свистели бомбы палачей.
Но мы, смирняя страх и плач,
твердили, диким взрывам внемля:
— Ты проиграл войну, палач,
едва вступил на нашу землю!
А та зима... Ту зиму каждый
запечатлел в душе навек —
тот голод, тьму, ту злую жажду
на берегах застывших рек.
Кто жертв не предал дорогих
земле голодной ленинградской —
без бранных почестей, нагих,
в одной большой траншее
братской?!
Но, позабыв, что значит плач,
твердили мы сквозь смерть и
муку:
— Ты проиграл войну, палач,
едва занес на город руку*

1914 Барзольц Ольга Федоровна

Handwritten notes on lined paper, likely a ledger or record book, with entries in Cyrillic script. The text is partially obscured by the photograph.

Личные
Уч.
С. В.
Кол.
Возраст
Уч.
М.
П.
Данные
Семейн.
Данные

Весной сорок второго года

**Множество ленинградцев носили на груди
жетон — ласточку с письмом в клюве.**

**Сквозь года, и радость, и невзгоды
вечно будет мне сиять одна
та весна сорок второго года,
в осажденном городе весна.**

**Маленькую ласточку из жести
я носила на груди сама.**

**Это было знаком доброй вести,
это означало — «жду письма».**

**Этот знак придумала блокада:
знали мы, что только самолет,
только птица к нам до Ленинграда
с милой-милой Родины дойдет...**

**...Сколько писем с той поры мне было!
Отчего же кажется самой,
что доньше я не получила
самое желанное письмо...**

Ион Деген.

**Поэт, которого мы
потеряли.**

**...это стихотворение
принесли Ольге Берггольц
с просьбой дать
заключение о том ,
нормален ли автор, на что
Берггольц ответила: «Не
знаю, нормален или нет,
только я многое отдала ,
чтобы уметь писать, как
он!».**

Ион Деген.

“Мой товарищ”

Мой товарищ, в смертельной агонии

Не зови ты напрасно людей.

Дай-ка лучше погрею ладони я

Над дымящейся кровью твоей.

И не плачь, не скули, словно маленький.

Ты не ранен. Ты просто убит.

Дай-ка лучше сниму с тебя валенки.

Мне ещё воевать предстоит.

Автором был лейтенант, танкист. Оказывается, его стихи обсуждались на каком-то слете фронтовых поэтов. Там были Симонов, Сурков и другие знаменитости. Мэтры были в ярости: какой-то мальчишка, жалкий лейтенантишка, к тому же еврей, пытается пролезть в великую русскую литературу! Можно легко представить что они говорили – бездуховность, клевета на русского солдата, упаднические настроения... Автор стоял перед ними, на костылях: прибыл на слет прямо из госпиталя. Молча выслушал, а потом развернулся и ушел.

«Я иду по местам боев...»

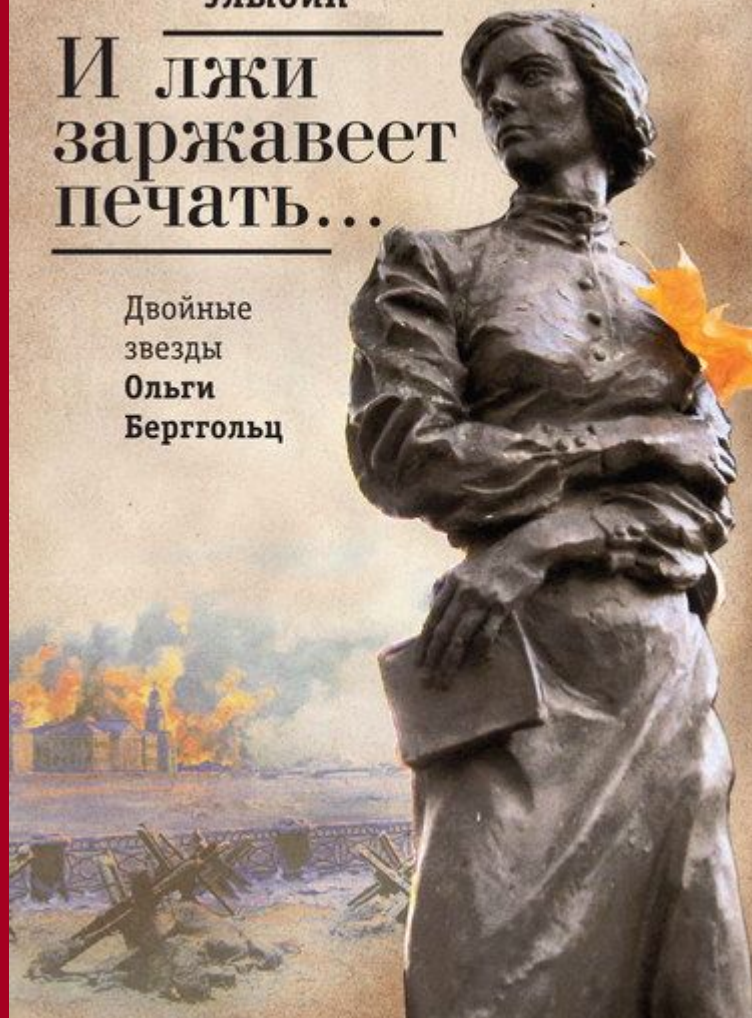
*Я иду по местам боев.
Я по улице нашей иду.
Здесь оставлено сердце мое
в том свирепо-великом году.
Здесь мы жили тогда с
тобой.
Был наш дом не домом, а
дотом,
окна комнаты угловой —
амбразурами пулеметам.
И все то, что было вокруг —
огнь и лед
и шаткая кровля,—
было нашей любовью, друг,
нашей гибелью, жизнью,
кровью.*

Вячеслав
Улыбин

И лжи заржавеет печать...

Двойные
звезды
Ольги
Берггольц

Ольга.

ЗАПРЕТНЫЙ ДНЕВНИК

ОЛЬГА
БЕРГГОЛЬЦ

Дневники 1939–1949 годов

Фрагменты вступительного
словеска «Дневник записки»

ПРЕСЛА

Исторические свидетельства
и оценки

Документы и фотографии

Материалы
№11-1970

storedBooks.com

ИЗДАТЕЛЬ

О. ДЫГА
БЕРГГОЛЬЦ

Память

АЛБУКА-СТАССИКА

www.702.by

Ольгу Берггольц называли "ленинградской Мадонной", она была "голосом Города" почти все девятьсот блокадных дней. "В истории Ленинградской эпопеи она стала символом, воплощением героизма блокадной трагедии. Ее чтили, как чтут блаженных, святых" (Д. Гранин)

